

© 1999 г. В.В. ДЕМЕНТЬЕВ

ФАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

1. ТИПОЛОГИЯ ФАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Интерес к различным типам, или жанрам, человеческого общения заметно возрос в 80–90-е годы XX столетия. Значительными достижениями в области жанроведения отмечены последние два года (см. работы: [Баранов 1997; Гольдин 1997; Матвеева 1996; Орлова 1997; Федосюк 1997а; 1997б; Шмелева 1997]). Очень плодотворным стало взаимодействие данного направления со смежными дисциплинами – прагмалингвистикой, стилистикой, риторикой, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией, лингвистикой текста. Большую роль в развитии отечественного жанроведения сыграли также архивные, текстологические, биографические разыскания исследователей-бахтинистов¹. Можно сказать, что в России сформировалось несколько центров (Москва, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Новгород, Омск, Саратов), где последовательно и весьма успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров (далее – РЖ), а также разработка специального метаязыка для описания РЖ. В Саратове вышел первый выпуск сборника "Жанры речи" (1997 г.), в котором приняли участие исследователи из всех названных центров изучения РЖ.

Было бы несправедливо говорить в связи с этим о недостаточном интересе современных жанроведов к фатическим речевым жанрам (далее – ФРЖ). Более того, именно в этой области были осуществлены такие интересные, новаторские исследования, как, например, [Гуц 1997; Жельвис 1997; Карасик 1997; Матвеева 1996; Рыт-никова 1997; Седов 1998; Щурина 1997].

И вместе с тем проблема ФРЖ остается одним из наименее изученных направлений общего исследования РЖ. До настоящего времени нет не только систематического описания ФРЖ, но и адекватной предмету модели такого описания.

Это обусловлено целым рядом причин, среди которых наиболее значимыми нам представляются следующие. С одной стороны, долгое время проблема фатических речевых жанров относилась к разряду периферийных в жанроведении. С другой стороны, исследование фатической коммуникации несколько десятилетий велось в двух параллельных, почти не пересекающихся направлениях, у истоков которых стояли Б. Малиновский и Р. Якобсон.

Б. Малиновский вводит понятие "фатическое общение" (*phatic communion*), определяя его как такую разновидность речи, которая отражает заложенное в самой природе человека стремление к созданию "уз общности" между людьми и часто выглядит как простой обмен словами [Malinowski 1972]. Нельзя сказать, что Б. Малиновский обратился к абсолютно неизвестному до него явлению. Примерно в одно время с ним об общении такого рода говорили Э. Сепир [Сепир 1993: 232–233], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 318], Б. Гавранек [Гавранек 1967: 440–441]. Но именно работы Б. Малиновского послужили отправной точкой для исследований таких аспектов

¹ Результатом этой работы стали выходящее сейчас пятитомное собрание сочинений М.М. Бахтина под редакцией С.Г. Бочарова и Л.А. Гоготшвили, серия книг "Бахтин под маской", Бахтинские сборники и другие издания московского издательства "Лабиринт" под редакцией И.В. Пешкова и В.Л. Махлина, а также журнал "Диалог. Карнавал. Хронотоп", выходящий в Витебске под редакцией Н.А. Панькова.

фатической коммуникации, как, например, синтаксис и лексика [Драздаускене 1970], тональность [Матвеева 1996].

Р. Якобсон, опираясь на термин Малиновского "фатическая функция", выделяет "сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности" [Якобсон 1975: 201]. Фатические реплики, сигналы, с функциональной точки зрения, обеспечивают успешность "основной" – нефатической – коммуникации. Дальнейшую разработку это направление получает в исследованиях Г.Г. Почепцова ("фатическая метакоммуникация") [Почепцов 1981], К. Писарковой ("конативные реплики" и "фатические реплики") [Pisarkowa 1975: 25; 29–33] и др.

Попытки преодоления искусственного по своей природе противопоставления "линии Малиновского" и "линии Якобсона" долгое время не имели успеха (ср. [Докторович 1979]). Главным препятствием на пути преодоления данного противопоставления, на наш взгляд, было то, что только фатические реплики являются как будто наиболее чистой, а главное – **прямой** реализацией фатической функции языка. Фатическая же речь, ФРЖ имеют по большей части **косвенный** характер. Ниже нами будет сделана попытка разрешить это противоречие.

✓ Долгие дискуссии о сущности фатической коммуникации наиболее удачно, как нам представляется, завершили работы Т.Г. Винокур (например, посмертные публикации Т.Г. Винокур "Говорящий и слушающий" и "Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего"), в которых "линия Малиновского" и "линия Якобсона" объединяются в глобальном понятии "фатики": «...термин "фатическая речь" естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри него следующие типологически обособленные звенья: а) конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); б) область речевого этикета в целом; в) бытовые диалоги и бытовое повествование; г) художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые» [Винокур 1993а: 135; 1993б: 8]. К сожалению, о ФРЖ в этих работах почти ничего не говорится.

Согласно Т.Г. Винокур, "фатика" и "информатика" представляют собой два основных инварианта речевого поведения. Само вступление в коммуникацию подразумевает одно из коммуникативных намерений: сообщение чего-либо (реализуется информативной речью) или общение (реализуется фатической речью) [Винокур 1993а: 15; 1993б: 5].

Характерно, что именно противопоставление информативной и фатической речи является первым членением речи в большинстве существующих типологий речевых жанров (см. [Дементьев 1997: 116–117]). С этой точки зрения фатика, фатический речевой жанр как инвариант обладает целым рядом качеств, среди которых в современной лингвистике основными обычно считаются следующие.

✓ Под фатическим речевым поведением Т.Г. Винокур понимает "речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом РЖ всегда подчинены начальному контактному импульсу; б) информативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступать как абсолютная ценность" [Винокур 1993а: 108–109; 1993б: 6]. Начальным контактным импульсом обусловлены такие качества всех разновидностей фатической речи, как десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, наличие строго регламентированных и постоянно воспроизводящихся клише и формул [Драздаускене 1970: 3–7], деонтическая и эмоциональная модальность [Арутюнова 1992: 55], способность быть регулятором психического состояния людей [Арутюнова 1992: 55; Матвеева 1996: 218]. Если фатическая коммуникация сопровождается другой деятельностью, она может быть по отношению к последней первичной (разговор, сопровождающий

званный обед, первичен по отношению к еде, которая служит лишь предлогом для беседы) или вторичной (если болтовня сопровождает ручную работу) [Винокур 1993а: 140–142; 1993б: 17].

Фатическая коммуникация – коммуникация в наиболее чистом виде, ее "свобода личного содержательно-стилистического изъяснения", по мнению Т.Г. Винокур, не ограничивается "информативным объемом вербализуемой референтной ситуации", поскольку в ней "референтная ситуация является, в известном смысле, производным от коммуникативной ситуации" [Винокур 1993а: 136; 1993б: 6]. "Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность", – писала Т.Г. Винокур [Винокур 1993б: 11].

Изучение отдельных ФРЖ в какой-то степени подготовлено самим Б. Малиновским, описавшим сейчас широко известный *small talk*, выделенный им в речи туземцев (их тривиальные разговоры по вечерам у костра, болтовня и сплетни во время работы). По мнению М.-Л.А. Драздаускене, разновидность фатической речи "*small talk*" впервые зафиксирована еще в 1751 г. в "Письмах" лорда Честэра [Драздаускене 1970: 18]. А. Вежбицка называет и описывает при помощи "семантических примитивов", но не выделяет в особую группу несколько ФРЖ ("разговор", "ссора", "шутка", "похвальба", "флирт") [Вежбицка 1997: 104–108].

Главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию ФРЖ, – поиск основания классификации. Следует отметить, что данный поиск в современном жанроведении осуществляется очень активно, несмотря на то, что до принятия удовлетворительной общепризнанной типологии ФРЖ (как и типологии РЖ в целом) дело не дошло (о некоторых из предлагавшихся возможных моделей см.: [Дементьев 1997: 115–116]). Кстати, самого М.М. Бахтина мысль о построении типологии речевых жанров не оставляла на протяжении всей его жизни. В архивных записях к "Проблеме речевых жанров" читаем: "Классификация речевых жанров: 1) диалогические и монологические, 2) первичные и вторичные (специализированные и конструктивные). (...) Несущественность деления на разговорные и книжные жанры" [Бахтин 1996: 235]. В этой области в наибольшей степени разработаны два направления: компонентный анализ и иллокутивное, или иллокутивно-перформативное, направление, и при типологизации ФРЖ, на наш взгляд, разумнее всего было бы опираться на опыт именно данных направлений.

Методика компонентного анализа, или дескриптивная модель, активно применялась в этнографии речи [Нупес 1977], но в последнее время сфера ее применения значительно сузилась. Методика компонентного анализа как будто окончательно уступила свои позиции динамическим моделям и моделям полевого типа. В работах [Шмелева 1997; Федосюк 1997а; 1997б; Гуц 1997; Шурина 1997], однако, данная методика получает новое развитие, как нам представляется, на более высоком уровне. В качестве модели описания и систематизации речевых жанров предлагается "анкета" речевого жанра. Эта анкета включает семь пунктов: "коммуникативная цель жанра", "концепция автора", "концепция адресата", "событийное содержание", "фактор коммуникативного прошлого", "фактор коммуникативного будущего" и, наконец, "языковое воплощение" [Шмелева 1997]. По мнению М.Ю. Федосюка, "анкета" речевого жанра помогает типологически различать жанры, совпадающие по признаку "коммуникативная цель" (например, *признание* отличается от *сообщения* по признаку "концепция автора": отправители *сообщений* всего лишь знают о некоторой ситуации, а отправители *признаний* – имеют к этой ситуации непосредственное отношение и при этом раньше не хотели о ней говорить) [Федосюк 1997б: 68].

Иллокутивно-перформативный критерий, наиболее распространенный в прагматике, позволяет противопоставить ФРЖ и "не-ФРЖ" (однако выявить все многообразие отношений взаимозависимости и динамических переходов, существующих между отдельными жанрами, с помощью одного критерия довольно трудно).

Иллокутивно-перформативный критерий в значительной степени пересекается с

"анкетой речевого жанра", имеющей первым пунктом "коммуникативную цель". Так, на данном основании Т.В. Шмелева выделяет четыре класса РЖ: информативные, императивные (содействуют осуществлению событий реальной действительности: *просьбы, советы* и т.д.), этикетные, или перформативные (формируют события социальной действительности: *приветствия, поздравления* и т.д.), оценочные [Шмелева 1997: 91–92]. Следует отметить, что в типологии Т.В. Шмелевой противопоставлены, в сущности, только "информативные" и "оценочные" РЖ (любой РЖ не может не быть одновременно и перформативным, и императивным, поскольку любой РЖ осуществляется одновременно и в сфере социальной, и в сфере реальной действительности), что совпадает с противопоставлением информатики и фатики.

Анализируя ФРЖ с целевой точки зрения, Н.Д. Арутюнова выделяет среди них две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели ("д-5"), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений ("д-4"), распределенные по шкале А.Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений) [Арутюнова 1992: 52–56; Балаян 1971].

По нашему мнению, данное противопоставление малоинформативно, поскольку жанры д-4 и д-5 обнаруживают очень большое сходство. Все истинное содержание этих жанров составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как косвенность). Определение "не имеющие непосредственной цели" не вполне корректно: жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения, а именно: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А.Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:

О

– диссонанс

сохранение без изменения

унисон +

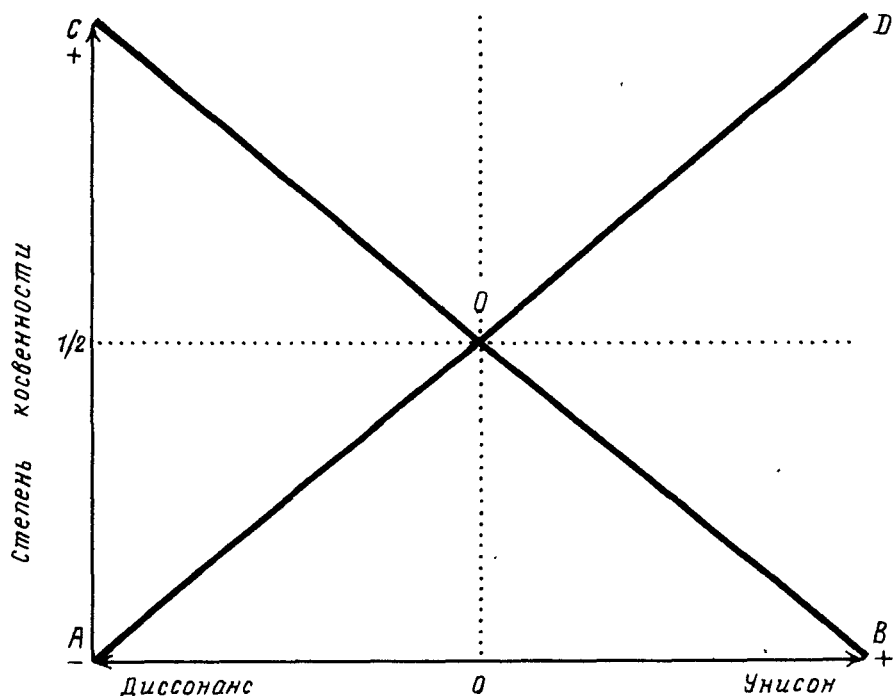
достигнутой близости (д-5)

Шкала межличностных отношений является наиболее распространенным основанием типологий ФРЖ (см. [Дементьев 1997: 116–117]).

Установив после объединения д-4 и д-5, что сущность ФРЖ связана с потребностью в наличии или в изменении ситуации общения (интегрирующий признак), примем в качестве дифференцирующего признака степень косвенности. Значение этого признака для фатических речевых жанров очевидно. Еще Бахтин писал: "речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутило-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутиловой эпитафии)" [Бахтин 1996: 192]. Т.Г. Винокур вплотную подошла к пониманию типологической роли косвенности в фатической речи: "для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной интенции (т.е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания" [Винокур 1993а: 137; 1993б: 12].

Итак, мы предлагаем типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А.Р. Балаяна. Все известные нам фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (см. рис. ниже).

В точке О находятся все праздноречевые жанры (д-5, согласно Н.Д. Арутюновой): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно 1/2 на шкале степени косвенности. Наличие косвенности в этих ФРЖ несомненно (иначе собеседники могли бы говорить друг другу только у нас с тобой все хорошо), в то же время степень косвенности в них не может быть очень большой, так как в small talk (в отличие от *флирта, розыгрыша*) нет особых причин что-то скрывать.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений.
Точка А – эксплицитный разрыв:

(1) Пять человек на скамье под фонарями, тесно друг к другу, и Генка нависает над ними.

– До донышка! Правдивы!.. Ты сказала – я черств. Ты – я светлячок-себялюбец. Ты – в предатели меня, нож в спину... А ты, Натка... Ты и совсем меня – даже предателем не могу, жалкий трус, тряпка! До донышка... Но почему у вас донышки разные? Не накладываются! Кто прав? Кому из вас верить?.. Лгали! Все лгали! Зачем?! Что я вам плохого сделал? Тебе! Тебе, Натка!.. Да просто так, воспользовались случаем – можно оболгать. И с радостью, и с радостью!.. Вот вы какие! Не знал... Раскрылись... Всех теперь, всех вас увидел! Насквозь!.. (...) Как раньше любил, так теперь ненавижу! И лицо твое, и тело твое, которое ты мне...

– За-мол-чи!!!

– Злись! Злись. Кричи. (В. Тендряков. Ночь после выпуска).

Точка В – эксплицитное объяснение в любви:

(2) Аркадий обратился к Кате. Она сидела в том же положении, только еще ниже опустила голову.

– Катерина Сергеевна, – проговорил он дрожащим голосом и стиснув руки, – я люблю вас навек и безвозвратно, и никого не люблю, кроме вас. Я хотел вам это сказать, узнать ваше мнение и просить вашей руки, потому что я и не богат и чувствую, что готов на все жертвы... Вы не отвечаете? Вы мне не верите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти последние дни! Неужели вы давно не убедились, что всё другое – поймите меня! – всё, всё другое давно исчезло без следа? Посмотрите на меня, скажите мне одно слово... Я люблю... я люблю вас... поверьте же мне!

Катя взглянула на Аркадия важным и светлым взглядом и, после долгого раздумья, едва улыбувшись, промолвила:

– Да. (И. Тургенев. Отцы и дети).

Примеры (1) и (2) представляют собой противоположности с точки зрения шкалы А.Р. Балаяна, но тождественны с точки зрения степени косвенности. Это полное улучшение и ухудшение отношений и – одновременно – предельно эксплицитное с о о б щ е н и е об этом. Отсутствуют как смысловые лакуны (при эллипсисе синтаксической структуры, вызванном аффективным фактором), так и содержательная многомерность текста, что выражается в невозможности косвенных речевых актов. Референтная ситуация принципиально тождественна коммуникативной ситуации, а именно: динамике отношений. Все это приводит к тому, что фатическое начало как таковое в приведенных разговорах несколько ослаблено, оно конкурирует с информативным началом.

В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения / ухудшения отношений (отрезки ОА и ОВ), это улучшение / ухудшение отношений осуществляется менее эксплицитно, т.е. выше их степень косвенности (см. далее примеры 14 и 17).

Верхнюю часть графика (отрезки ОС и ОД) составляют ФРЖ, улучшающие / ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (ОД) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел. Максимальному сближению должна соответствовать максимальная косвенность (точка D):

(3) – *Вообще что жизнь? – громко заговорил он. – Все кончится – и все! – Он глядел на женщину – ждал, что она поймет его. – Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. – Художник досадливо поморщился – слова были глупые, мелкие. – Черт возьми!... Ты понимаешь? Ну, сделаем – ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри – лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное – муть. – Он как будто спорил с кем, доказывал – говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.*

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

– *Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? – Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе. (В. Шукшин. Кукушкины слезки).*

Максимальная же косвенность должна соответствовать и максимальному разрыву (точка С). Средствами осуществления этого ФРЖ часто выступают, например, широко известные фразеологические выражения "Сделай так, чтобы я тебя долго искал" и под.²:

(4) *Ловлю косые взгляды Дениски, стоящего в дверях, не говоря уже об ушедшем на лестницу курить зяте Владимире и его жене Оксане, которая приходит тут же на кухню, прекрасно зная мою боль, и прямо при Тиме говорит (а сама прекрасно выглядит), говорит:*

– *А что, тетя Аня (это я), ходит к вам Алена? Тимочка, твоя мама тебя навещает?*

– *Что ты, Дунечка (это у нее детское прозвище), Дуняша, разве я тебе не говорила. Алена болеет, у нее постоянно грудница.*

– *Грудница??? – (И чуть было не типа того, что от кого ж это у нее грудница, от чьего такого молока?)*

И я быстро, прихватив несколько еще сухарей, хорошие сливочные сухари, веду вон из кухни Тиму смотреть телевизор в большую комнату, идем-идем, скоро "Спокойной ночи", хотя по меньшей мере осталось полчаса до этого.

² Ср. выражения, записанные Е.Н. Гуц в речи подростков Омска: "...Закрой борщехлеб и не греми крышкой, а то схлопочешь!"; "Закрой свой ржавый патефон, а то крышку захлопну, до конца жизни немой, ходить будешь!"; "Засохни, сегодня твой профессиональный праздник – ты в пролете"; "Чеши пузо, канистра, паяльной лампой" и т.д. [Гуц 1997: 134–135].

Но она идет за нами и говорит, что можно заявить на работу Алены, что мать бросила ребенка на произвол судьбы. (...) Наконец-то она спрашивает, это, что ли, от того, о котором Алена когда-то ей рассказывала по телефону, что не знала, что так бывает и что так не бывает, и она плачет, проснется и плачет от счастья? От того? Когда Алена просила займы на кооператив, но у нас не было, мы меняли машину и ремонт на даче? От этого? Да? Я отвечаю, что не в курсе.

Все эти вопросы задаются с целью, чтобы мы больше к ним не ходили. (Л. Петрушевская. Время ночь).

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатики выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ³:

1) праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а **сохраняются**, степень косвенности – приблизительно 1/2 (точка О). Здесь следует отметить, что *small talk* может быть средством и небольшого улучшения отношений, охватывая отрезки ОВ и ОД вблизи точки О. Эти ФРЖ наиболее широко описаны в лингвистической и этнолингвистической литературе, литературе по речевому этикету и т.д. (см. [Дементьев 1997: 117]).

2) ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры (отрезок ОА).

3) ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди и т.п. (отрезок ОВ). ФРЖ ОА и ОВ относительно хорошо изучены (см. [Дементьев 1997: 117]), в отличие от следующих двух групп жанров, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее.

4) ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности *иронии*, *издевка*, *розыгрыши*, например:

(5) – Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни. Гляди!.. обиделся. Любишь, что ли?

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрылит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за больного собеседника.

– А у тебя ничего объект. Где ты ее нашел-то? Глаза только... Что у ей с глазами-то? У ней не эта?.. болезнь такая с глазами есть... Чего она такая пучеглазая-то? (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев).

Некоторые исследователи, например, К.Ф. Седов, выделяют особый жанр – *колкость*, представляющую собой как бы комплимент со знаком минус:

³ Наверное, нет необходимости добавлять, что предлагаемая схема, а также выделяемые типы речевых жанров не претендуют на звание окончательных и оптимальных. В современном жанроведении, кстати, еще далеко до полной ясности в вопросе о том, что считать, а что не считать РЖ (обсуждение данного вопроса см. в: [Гольдин 1997; Федосюк 1997а; 1997б]). Мы понимаем жанр очень широко (в отличие, например, от М.Ю. Федосюка): нам думается, что жанром является и комплимент, и угроза, и похвальба. Каждый носитель языка без труда может представить себе ситуацию, когда один собеседник хвалится, а другой завидует или хвалится сам, когда один произносит комплимент, а другой с удовольствием его принимает, когда один угрожает, а другой по этой причине уступает. Нисколько не менее естественной является ситуация флирта и произнесения косвенных комплиментов. Это типические ситуации общения, а значит речевые жанры, понимаемые не как модели инвариантно-вариантного типа, по которым строит свои речевые действия один говорящий, а как внутренняя форма коммуникативного события, жанры "языкового существования". Понимание жанров по М.М. Бахтину как относительно устойчивых в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказываний, а высказываний – как единств, образуемых слиянием "своего" и "чужого" голосов, а также вербального и невербального контекста ситуации речевого общения, наиболее точно соответствует данному случаю.

(6) Встречаются две тридцатилетние женщины, давно не видевшие друг друга:

– Ну, как я выгляжу?

– Выглядишь эффектно, но лет на сорок! [Седов 1998: 14–15].

В последнее время предпринимаются попытки сопоставительного анализа языковых средств выражения *насмешки, косвенной ссоры* и т.д. [Карасик 1992: 104; Дементьев 1995].

Жанры этой группы, вообще, наименее изучены, обычно их рассматривали как (прямую) ссору или флирт, противопоставляя лишь группе ОВ.

Разграничению прямой и косвенной ссоры как разных ФРЖ в целом препятствует нерешенность в современной прагмалингвистике вопроса, считать ли оскорбление **прямым** институциональным речевым актом, ухудшающим отношения (как известно, этот вопрос восходит к противопоставлению так называемых перформативной и прагматической гипотез [Dijk van 1972: 375]; ср. [Жельвис 1997]). Данный вопрос еще ждет своего решения; отметим лишь, что разница между прямым оскорблением (*Ты – идиот*) и косвенным оскорблением (*Телесериалы смотрят одни идиоты*) достаточно очевидна.

5) ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка, флирт* (отрезок OD), например:

(7) – Ну и трепач ты! – весело сказала Настя, глядя в глаза Пашке.

Пашка ухом не повел.

– Откуда ты такой?

– Из Москвы, – небрежно бросил Пашка.

– Все у вас там такие?

– Какие?

– Такие... воображалы.

– Ваша серость меня удивляет, – сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных загадочных глаз Насти.

Настя тихонько засмеялась. (В. Шукшин. Классный водитель).

Пример из разговорной речи (девушки Б и В по сути кокетничают с юношей А, постоянно довольно грубо по форме перебивая его рассказ и тем самым привлекая внимание к себе):

(8) Б. – Слушай / что такое герменевтика / ты ведь что-то говорил?

А. – Герменевтика? Смотри в каком плане // герменевтику в традиционном плане / герменевтику средневековую или герменевтику современную / философскую?

Б. – Давай современную //

А. Нет / но современную не понять / если не пойти

В. – (СО СМЕХОМ) Давай с начала //

А. – Античная герменевтика / это

Б. – Ты рассказывай / как эта Зуева / знаешь / тетенька из сказки / открывает окошечко / садится и говорит / (а расскажу я вам...) Давай (СМЕХ)

А. – А может ты сама расскажешь? (СО СМЕХОМ)

Б. Нет //

А. – Это искусство истолкования произведения какого-нибудь // а в средневековой традиции в основном герменевтика / она функционировала на уровне толкования Священного писания / то есть адекватного понимания // а начиная где-то с 19-го / особенно с 20-го века герменевтика / она приобрела уже философский статус // это...

Б. – Что она приобрела? (СО СМЕХОМ)

А. – Философский статус // вот Гадамер определяет так / герменевтика это...

Б. – (ПЕРЕБИВАЕТ) Кто определяет?

А. – Гадамер //

Б. – А это кто?

А. – Ну я уже говорил // самый крутой герменевтик // он определяет это как искусство понимания // основная проблематика у них идет это

Б. – (ПЕРЕБИВАЕТ) Наука о счастье //

А. – Они вообще пытаются протолкнуть

Б. – Счастье / когда тебя понимают // герменевтика / наука о счастье // [ЖР: 163–164].

Основное содержание флирта – это косвенный комплимент и косвенное предложение, скрытое выражение симпатии, влечения к партнеру при фамильярности или даже грубости на поверхностном уровне. Ср. определение "глубинной структуры" флирта А. Вежицкой:

"говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю Х.

думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицу противоположного пола" [Вежицка 1997: 108].

ФРЖ ОД практически не исследовались в данном аспекте, хотя в современной лингвистике существуют отдельные разработки, касающиеся отличий ФРЖ ОВ (прямые комплименты, или унисон) и ОД (многозначительные, косвенные комплименты во флирте). Некоторые исследователи рассматривают специфику комплимента мужчины женщине (например, противопоставление в испанском языке комплиментов *kumplido* и *piropo* – последний является специфическим средством ухаживания за женщиной и отличается меньшей стандартизацией и наличием "имплицитно выраженного сексуального содержания" [Зверева 1995: 9]). Т. Баллмер и В. Бренненштуль выделяют среди английских глаголов, обозначающих речевые действия, особую группу *Erotically: charm* 'очаровывать, пленять'; *flirt* 'флиртовать, кокетничать, ухаживать, заигрывать'; *pay compliments* 'говорить комплименты кому-либо'; *say sweet nothings* 'говорить кому-либо милые пустяки'; *tease* 1. 'попытка раздражить'; 2. 'поддразнивать, недоедать, приставать, домогаться, выпрашивать' [Ballmer, Brennenstuhl 1981: 131].

Косвенные комплименты, вообще, относятся к наиболее распространенным речевым жанрам. В связи с этим позволим себе несколько уточнить одно положение современной русистики.

«В современном российском обществе, – пишут М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, – стереотипной женской реакцией на комплимент является не благодарность, а отрицание, извинение, объяснение причин, т.е. отход от жанра комплимента в традиционном, "светском" его понимании. Ср.: *Садись девушка // Красивая! Н. Да уж очень / да-а ну конечно // С немойтой башкой//*» [Китайгородская, Розанова 1995: 72]. М.Ю. Федосюк соглашается с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой и добавляет, что и сама положительно оценочная реплика в подобных ситуациях скорее всего воспринимается адресатом как высказывание, выполняющее не фатическую, а информативную функцию, т.е. как похвала, а не комплимент. Е. – *У тебя такая челка! С. – Какая челка? Худенькая// Е. – Нет! большая// С. – Очень худенькая// у меня/ смотри/ вот так/ голова светится// Е. – Да где светится // Ничего не светится //* [Федосюк 1997б: 77; ЖР: 52].

По нашему мнению, положения М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и М.Ю. Федосюка во многом верны (и это соответствует неприоритетности прямой эксплицитной фатки в современном российском социуме в целом – см. ниже), но нуждаются в одном уточнении: не принимаются, вызывают в ответ оправдание только **прямые** комплименты. Так, дальнейшее рассмотрение диалога, пример из которого приводит М.Ю. Федосюк, показывает, что **косвенные** комплименты информанткой (С) принимаются:

(9) Е. – *Ой/Светка/ это ты тетрадок столько исписала за три года //*

С. – *Какие?*

Е. – *Вот тут лежат//*

С. – *Это только за этот год//*

Е. – *Да?*

С. – Ну нет/ здесь еще по латыни/ и по греческому// ой/ мне сон такой приснился/ я тебе потом расскажу//

Е. – Ладно/ потом расскажи// а там было только то/ что ты мне по телефону рассказывала/ или **еще что-то более интересное//**

С. – Ой/там вообще//

Е. – Опять фильм ужасов//

С. – Ну не фильм ужасов/ но мы были в пионерском лагере/ потом в трамвае ездили

Е. – Ну ладно/ ты потом расскажешь. **Ой/ какая балалайка//** трень-брень //

С. – У меня все ею так восторгаются // [ЖР: 53].

Таким образом, типология ФРЖ, основанная на степени косвенности, выявляет общую природу таких, казалось бы, различных явлений, как *флирт* и *ирония*: если в первом случае грубость, фамильярность на поверхностном уровне соотносится с выражением симпатии на глубинном уровне, то во втором случае соблюдение норм вежливости и правил этикета на поверхностном уровне соотносится с оскорблением на глубинном уровне. Механизм антифразиса, лежащий в основе обоих коммуникативных феноменов, можно понимать как особые отношения центральной симметрии (центр в точке О на графике) антонимичных фатических речевых жанров: ОА – ОД и ОВ – ОС. Связь пар ОА – ОД и ОВ – ОС обусловлена самой сущностью явления косвенности (закрывающейся в несовпадении интенционала и эксплицируемого содержания): антонимичные отношения наиболее выражают это несовпадение. Отметим появление ряда работ, в которых *шутка*, *анекдот*, *ирония* рассматриваются в категориях антифразиса, косвенности и под. [Варзониин 1994; Карасик 1997; Щурина 1997].

Преимущественно косвенный характер ФРЖ обуславливает ряд других динамических переходов в фатическом общении, например, переход ОС (косвенная конфликтная фатика) → ОА (прямая конфликтная фатика):

(10) Г. – Илюш/ ну принеси водички пожалста

Б. – Еще чо не хватало/

Г. – (СМЕЕТСЯ)

А. – (ЗЕВАЕТ)

Г. – Ну что с него взять (РУКОЙ УКАЗЫВАЕТ НА Б.)/ Илюш/ ну что с тебя взять/ наглость какая/ ну принеси/ пожалуйста/

А. – Тебя же не за пивом посылают/

Г. – Илюш/ скажи "четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж"/

Б. – (ПОВТОРЯЕТ)

Г. – "Чрезвычайно чисто"/

А. – А скажи "на дворе трава на траве дрова"/

Б. – (ПОВТОРЯЕТ, НО ПУТАЕТСЯ)

А. – Как-как?

Б. – Я не понял чо ты сказал/

А. – На дворе трава/ на траве дрова/

Г. – На дровах топор/

А. – А чо не можешь? Ну Клара у Карла... Илюш/ скажи "Клара у Карла украла кораллы. Карл у Клары украл кларнет"/

Б. – (ПОВТОРЯЕТ, НО ЗАПИНАЕТСЯ) (ОБЩИЙ СМЕХ) ну и чо ведь все правильно/ мысль-то сказал/

А. – Ну конечно (ВСЕ СМЕЮТСЯ)

Б. – Только чуть-чуть произношение...

Г. – Произношение хромает безусловно/

А. – Илюш/ так можно и на английском тоже рассказывать (МАНЕРНО ИМИТИРУЕТ АНГЛИЙСКУЮ РЕЧЬ) {...}

Г. – Илюш/ ну скажи три слова/

Б. – (ОБИЖАЕТСЯ) Да не буду я ничего говорить/

Г. – Ну скажи "протокол про протокол протоколом запротоколировали"! ну скажи!

Б. – **Убери магнитофон.**

Г. – Да уже выключили давно!

Б. – Ну конечно чо я не знаю что ли [ЖР: 155–156].

Это пример насмешки (правда, добродушной), вызвавшей эксплицитное противодействие. Примеры менее мирных трансформаций **ОС** → **ОА**:

(11) Жена. – Ой, что-то я сегодня себя так плохо чувствую...

Муж (иронически) – Бедняга! Ложись и сделай бай-бай.

Жена. – **Скотина! Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью вкалываю!**

[Седов 1998: 13];

(12) – Чего смеешься?.. Не надо... Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал...

– Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой...

– Вот змей-то!... Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник! (В. Шукшин. Билетик на второй сеанс).

Противоположной трансформацией является трансформация **ОА** → **ОС** (чаще всего такой переход используют для увеличения силы удара по противнику):

(13) – М-да-а... Тьфу! Не нужна мне твоя баня, гори она синим огнем! – Иван поднялся. – Я только хочу тебе сказать, куркуль: вырастут твои дети, они тебе спасибо не скажут. Я проживу в бедности, но своих детей выучу, выведу в люди... Понял?

"Куркуль" не пошевелился, только кивнул головой, как бы давая понять, что он понял, принял, так сказать, к сведению.

– **Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.**

– Как это?

– Морковка у меня в огороде хорошая – ему глянется... (В. Шукшин. Хозяин бани и огорода).

В заключении данного раздела выскажем предположение о месте ФРЖ в системе речевых жанров в целом. Для установления взаимных отношений фатических и информативных речевых жанров примем за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А.Р. Балаяна. РЖ, находящиеся в точках А и В (прямые *признание* и *разрыв отношений* – см. примеры 1 и 2), являются в равной степени фатическими и информативными (а следовательно, в каком-то смысле "наименее фатическими"). Вообще, нижняя часть типологии ФРЖ сливается с (мета-)диалогом об отношениях коммуникантов (т.е. по преимуществу информативным) и оказывается имеющей лишь к о с в е н н о е отношение к основной коммуникативной цели (удовлетворение потребности в общении).

С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) личностно релевантные информативные жанры (гармоничные – *свадьба, представление, соглашение* – и дисгармоничные – *выговор, ультиматум, объявление войны*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект)⁴. Косвенность этих информа-

⁴ Кстати, именно так определял цель косвенных речевых актов Дж. Серль [Серль 1986: 201]. Косвенность вообще рассматривалась преимущественно в информативной речи. По-видимому, существующее определение косвенности должно быть подвергнуто коррекции при анализе фатической речи. Однако данная проблема требует самостоятельного исследования.

тивных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и, как следствие, в переводе части (информативной) имплицатуры в имплицитный план.

К личностно нейтральным информативным РЖ ("собственно информатика") относятся (личностно нейтральные) *вопросы и ответы, дискуссии, (прямые) просьбы и обещания*.

После того, как мы описали основные принципы типологии фатических речевых жанров, предлагаем рассмотреть несколько аспектов еще одной проблемы, непосредственно связанной с ФРЖ – проблемы первичных и вторичных ФРЖ.

2. ПРОБЛЕМА ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ФАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Одной из самых сложных проблем теории речевых жанров является проблема первичных и вторичных речевых жанров, о которой говорил еще М.М. Бахтин [Бахтин 1996: 161]. В современном жанроведении эта проблема решается в трех различных направлениях.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного. Вторичный РЖ отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н.В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде и признание в любви; исповедь в церкви, исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как жанр публицистики (ср. "Исповедь на заданную тему" Б. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу* и *ультиматум, просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами *порицать* и *ругать*. "Очевидно, – пишет Н.В. Орлова, – что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного (в РР) и вторичного (в книжных стилях) жанров М.М. Бахтина" [Орлова 1997 : 51–52]. Аналогично Ю.В. Щурина считает *шутку*, бытующую в разговорном общении, первичным речевым жанром комического, на базе которого развиваются многочисленные вторичные книжные (*афоризм, бурлеск, велелизм* и т.д.) [Щурина 1997].

В целом же данное направление еще недостаточно разработано. Следует признать, что идея первичных и вторичных РЖ М.М. Бахтина пока не получила должного осмысления в лингвистике. Это связано с объективной сложностью изучения диахронических процессов в фатической речи, как, впрочем, и в речи вообще.

Исследователь, стремящийся получить представление о русской фатике, например, за 100 лет, может использовать лишь три письменных (а потому – принципиально не вполне доброкачественных) источника: 1) художественная литература, 2) масс-медиа, 3) лингвистическая и риторическая литература.

Здесь необходимо сделать одно замечание. Художественная литература, действительно, не может быть адекватным материалом, если в качестве материала привлекать диалоги персонажей – стилизацию разговорной речи⁵. Но литература дает абсолютно адекватный материал для диахронического изучения фатического общения, если как фатическое общение понимать само литературное произведение, то есть **литературное общение**.

На диахронические процессы в литературном общении указывал Д.С. Лихачев в статье о "Литературном этикете". По мнению Д.С. Лихачева, в древнерусской лите-

⁵ Исследователю, изучающему фатику на таком материале, необходимо, на наш взгляд, учитывать положения, высказанные в работах О.Б. Сиротининой о категории разговорности в истории русской художественной речи (например [Сиротинина 1995]).

ратуре, в отличие от литературы нового времени, информативное начало было вторично: читатель и так знал наперед, "чем кончится" произведение. Зато огромное значение имело точное соблюдение ритуала, приобщение читателя к церемонии, т.е. фатическое начало: «Средневековый читатель, читая произведение, как бы участвует в некоей церемонии, включает в себя эту церемонию, присутствует при известном "действии", своеобразном "богослужении"». Писатель средневековья не столько изображает жизнь, сколько преображает и "наряжает" ее, делает ее парадной, праздничной. Писатель – церемониймейстер. Он пользуется своими формулами как знаками, гербами. Он вывешивает флаги, придает жизни парадные формы, руководит "приличиями". Индивидуальные впечатления от литературного произведения не предусмотрены. Литературное произведение рассчитано не на индивидуального, отдельного читателя, хотя произведение не только читается вслух для многих слушателей, но и отдельными читателями» [Лихачев 1979: 93].

В отечественной риторике XIX – начала XX века фатической речи уделялось большое внимание – назовем хотя бы таких известных авторов, как Н. Абрамов, С. Волконский, Н. Кошанский. Например, Н. Абрамов писал: «разговор... есть род меновой торговли: мы даем одно и получаем за это другое, по возможности равноценное. Если из двух собеседников только один дает, а другой все получает или отделяется незначительными ценностями вроде "да" и "нет", то беседа гаснет, не будучи подерживаема, а если не гаснет, то получается не беседа, а преподавание или допрос» [Абрамов 1902: 10]. Опираясь на положения, высказанные в этих работах, Т.Г. Винокур выделяет ряд "вечных" черт фатической речи: диалогическая форма, тематическая свобода (тема не столь важна, как ее обработка), столкновение полярных тематически-стилевых фрагментов, отражающее непереносное соединение этикетных и содержательных участков беседы; разговорность стиля [Винокур 1993а: 144–145; 1993б: 11–12].

Классическая художественная литература напоминает нам, что существовало специфическое наслаждение от русской фатики:

(14) – *Чего ты глядишь с удивлением? Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О загранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?*

– *Нет, не для этого.*

– *Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековых вопросах теперь и толкует. Именно теперь, как старики все полезли вдруг практическими вопросами заниматься. Ты из-за чего все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: "Како веруешь, али вовсе не веруешь" – вот ведь к чему сводились ваши трехмесячные взгляды, Алексей Федорович, ведь так?*

– *Пожалуй, что и так, – улыбнулся Алеша. – Ты ведь не смеешься теперь надо мною, брат?*

– *Я-то смеюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три месяца глядел на меня в таком ожидании. Алеша, взгляни прямо: я ведь и сам точь-в-точь такой же маленький мальчик, как и ты, разве только вот не послушник. Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так? (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).*

Сравнение систем средств фатического общения в России XIX века и России конца XX века – дело будущего. Позволим себе, однако, высказать несколько соображений на эту тему. Многие ФРЖ в современном русском обществе подвергаются трансформации в сторону неестественного повышения косвенности. Например, *флирт* и *розыгрыши* косвенны естественным образом (см. выше), но *small talk*, вообще фатическая интенция отнюдь не предполагают дополнительной заботы о сокрытии цели общения. Действительность же такова, что косвенных средств требуют те фатические речевые жанры, для которых косвенные средства несвойственны. Стремление к вступлению в контакт, к получению удовлетворения от общения в речи людей прикрывается требованиями службы, бизнеса или иной необходимостью, потому что общение ради самого общения социально непрестижно. Многочисленные пособия по речевому этикету, правилам хорошего тона, светскому общению, флирту и т.д. ориентируют читателя на функциональность даже в фатических жанрах. Ср., например, названия пособий: "Как выйти замуж", "Как соблазнить девушку", "Как очаровать мужчину", "100 способов понравиться". В целом эти пособия оставляют довольно удручающее впечатление какой-то односторонности, тривиальности, например, "рекомендации психотерапевта Игоря Вагина" в газете "Аргументы и факты".

"С самого начала знакомства нужно вести себя с женщиной, как с ребенком".

"Произносите имя собеседницы так, будто она ваша дочь..."

"...слабый пол любит слушать рассказы об участии в военных действиях, драках, рискованных путешествиях и прочих авантюрах. Увы, женщины готовы терпеть хвастовство и блеф, лишь бы не было скучновато" (Д. Писаренко. Как соблазнить девушку? АиФ. 1996. № 35). Автор (который выступает как "психотерапевт", то есть а в т о р и т е т н о), с одной стороны, подменяет фатическое начало флирта функциональным, с другой стороны, ориентирует читателей на самый низкий уровень речевой культуры.

Тенденцией, противоположной названной, стало появление нескольких новых сфер фатического общения. Приведем без комментирования два примера – один взят из рубрики "Послания" газеты бесплатных объявлений, другой – из сети Internet. Мы полагаем, что данные тексты представляют собой вторичные РЖ, складывающиеся или уже сложившиеся на базе различных разновидностей рассмотренных ФРЖ.

(15) *Жители домов 5 и 6а пр. Строителей! Неужели вы не слышали музыки 29 июля в 22 часа? Никто не вышел на балкон послушать, а я включила ее специально для вас на полную громкость, поставив колонку к окну. Я хотела сделать вам приятное. Это самая большая публичная акция, на которую я способна. Инкогнито.*

(16) *Inna B. Mezdnikova wrote:*

> А не слишком ли много ты на себя берешь "человек"?

> Лучшие вынеси на обсуждение свою "персону", я думаю много чего узнаешь!

> Инининининночка, свою "персону" я вынесу только после твоей (вынесенной ногами вперед) ... Птичка, не обижайся. Одевайся круто, выгляди ОК, танцуй хип-хоп, живи веселей!!!

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). М.Ю. Федосюк выделяет "элементарные" и "комплексные" жанры [Федосюк 1997: 104], Ст. Гайда и А.Г. Баранов – "простые" и "сложные" [Gajda 1991: 73–74; Баранов 1997: 8].

Это направление относительно хорошо разработано, однако в целом проблема структуры РЖ еще далеко не решена (см. [Дементьев 1997: 112]).

Как нам представляется, типология ФРЖ позволяет выявить – хотя бы предварительно – набор обязательных и факультативных структурных элементов отдельного ФРЖ (речевых актов), а также некоторые "предписания" относительно их последовательности, "задаваемые" местом ФРЖ на графике. Прежде всего это касается соотношения прямых и косвенных речевых актов.

Если представить себе, что речевой жанр – это поле (ср.: [Федосюк 1997: 108–111]), центр его составляют единицы, наиболее явно (то есть прямо) выражающие по-леобразующую содержательную категорию. Если же считать полем область фатими в целом, то центр этого поля составляют (это демонстрирует график) ФРЖ small talk (хотя, возможное, правильное было бы говорить о поле small talk, поле отрезка ОА, отрезка ОВ и т.д.). В действительности, однако, все обстоит сложнее: точка О на графике – это степень косвенности "одна вторая", или, иначе говоря, около половины средств, используемых в small talk, должны быть косвенными. Анализ показывает, что в полном смысле прямые, т.е. перформативные высказывания в small talk невозможны. Прямые высказывания типа *заходи, поболтаем* с неизбежностью оторваны от актуальной ситуации общения (ср. невозможность **начинаем болтать*). Зато большинство РА выражают косвенное значение желания вступить в контакт и желания поддержать добрые отношения. Если говорить о факультативных РА, то их корпус представляет собой огромный конгломерат, не поддающийся исчислению.

Такой ФРЖ, как *разговор по душам* (отрезок ОВ), в гораздо большей степени предполагает использование прямых средств. Обычно конструктивен для ФРЖ прямой РА типа "поговорим по душам" (однако иногда он производит эффект "иллокутивного самоубийства"). С другой стороны, в *разговоре по душам* гораздо больше косвенных РА, чем, например, в *объяснении*. Даже такие РА, как выражение сочувствия, совет, обычно имеют косвенные фатические импликатуры, правда (в отличие, например, от *флирта*) эти косвенные импликаторы редко бывают сильнее, чем прямые. Одной из постоянных импликатур в *разговоре по душам* является косвенное предложение совместной эмоциональной медитации в обстановке психологического комфорта, доброжелательности и взаимопонимания:

- (17) – *Хорошо, что ты пришел.*
 – *Что с тобой, ты можешь мне сказать?*
 – *Да. Мне надо, чтоб ты мне многое объяснил.*
 – *Что я тебе могу объяснить?*
 – *Все. Я никому так не верю, как тебе. Понимаешь, мне надо с тобой посоветоваться.*
Мне сейчас очень... (ПАУЗА).
 – *Ты что-то хотел сказать?*
 – *Да, понимаешь, бывают моменты... Прямо голова раскалывается!..*
 – *Ну, говори, я тебя слушаю.*
 – *Вот у вас все было по-другому, понимаешь, все было по-другому.*
 – *У всех бывает по-другому, это совершенно естественно, странный ты человек!*
 – *Да нет, ты знал... что тебе нужно делать, знал. Ты знал, что надо стрелять, допустим, бежать вперед с криком "ура!", не трусить...*
 – *Ты думаешь... что бежать вперед и стрелять, ты думаешь, этого мало?*
 – *Нет, ну, просто я сам все это могу, понимаешь, сам. Ну, если жизнь, понимаешь, нормальная жизнь, как... ну, чего там, в общем, я не хочу говорить про нее все эти высокие слова, но бывает момент, когда... Один на один с собой, своей... совестью. Тогда...*
 – *Покурим?*
 – *Да, Ну, я не знаю, как тебе объяснить. Понимаешь, не все... (М. Хуциев, Г. Шпаликов. Застава Ильича).*

Помимо буквального значения пропозиций (сын просит совета у своего погибшего на войне отца и не получает его), в свое время вызвавшего гнев Н. Хрущева, в разговоре присутствует гораздо более сильный фатический смысл ("я хочу быть с тобой!"), Хрущевым не замеченный.

Понятие **динамической структуры** речевого жанра, как известно, впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов [Ballmer, Brennenstuhl

1981]. Согласно Баллмеру и Бренненштуль, взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме "порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ". Очевидно, что наиболее релевантными для РЖ являются речевые акты начала коммуникации и начала спада напряжения, изменяющие направление и напряжение коммуникации. Назовем их по аналогии с механикой векторами-ускорителями. Несколько примеров векторов-ускорений:

ССОРА: (18) – *Ну и дура ты! – не выдержал Витька.* (В. Шукшин. Племянник главбуха);

SMALL TALK: (19) *Соня. На этот раз я первая. Я всегда, когда влюблюсь, лечу как на крыльях. Прибегу, а никого еще нет. Всегда мне достается резать хлеб. Хлеборезка.* (Л. Петрушевская. Сырая нога, или встреча друзей);

ФЛИРТ: (20)... *Кияшко заглянул в эти глубокие пространства и неожиданно пред-
ложил:*

– *Давайте встретимся...*

– *А зачем?* – удивилась я. *Рукопись он мне отдал, деньги я ему выписала, платный день он знает.*

– *Встретимся, – со значением повторил Кияшко и посмотрел на меня пристально. Не формально.*

Я поняла: он тоже отмотал время, как пленку, но не назад, а вперед и увидел меня в своих объятиях. Я смешалась... (В. Токарева. Здравствуйте).

Аналогично выделяем РА-векторы, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ (нарастание и спад), и РА-"инерцию", "заполняющие" РЖ при неизменном напряжении коммуникации.

С динамической точки зрения отдельные ФРЖ противопоставляются друг другу значимостью для них элементов динамической структуры:

ФРЖ small talk (точка О) в основном состоят из инерции и, можно сказать, ею выражаются. Как правило, есть один вектор-ускорение, векторы встречаются чрезвычайно редко. При *объяснении, флирте, прямой и косвенной ссоре* (ФРЖ отрезков ОА, ОВ, ОС и ОD) главное – векторы, они выражают сущность этих ФРЖ и сообщают обычно довольно высокое напряжение коммуникации. *Разговор по душам* занимает промежуточное положение между small talk и *объяснением*: в его структуре много векторов и инерции, но все же, как нам представляется, роль векторов более значительна. Противопоставление "вектор-ориентированных" и "инерция-ориентированных" жанров выявлено экспериментально М.Л. Макаровым (информантам предлагалось дописать три незаконченных типовых бытовых диалога – конфликтного, выраженного кооперативного и типа small talk. Для первого и второго диалогов в результате эксперимента были выявлены когнитивные модели с довольно определенной шаговой структурой; третий дал неимоверную разбросанность реакций) [Макаров 1992: 132–133]. По нашему мнению, схема М.Л. Макарова должна быть дополнена группой вектор-ускорение-ориентированных ФРЖ, в которую входят эксплицитное институциональное соглашение о близости/любви (признание) и эксплицитный институциональный разрыв отношений (ФРЖ точек А и В). Как уже отмечалось, эти жанры вообще занимают особое положение в системе речевых жанров: 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные высказывания; 3) это в равной мере фатические и информативные жанры.

3. Наконец, третье направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Например, А. Вежбицка говорит о "речевом жанре", "речевом акте", "иллокутивном компоненте" [Вежбицка 1997: 109]. На иерархию из трех сущностей ("гипержанр / жанровый тип", "жанр", "суб-жанр") опираются Я.Т. Рытникова и К.Ф. Седов [Рытникова 1997; Седов 1998]. А.Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: "текстотип", "суб-тип", "жанр", "когнио-тип", "текст" [Баранов 1997].

Уровни абстракции текстовой деятельности отчетливо выделяются в предлагаемой типологии РЖ как **этапы** реализации коммуникативного замысла. Данная проблема, активно разрабатываемая в психолингвистике, к сожалению, долгое время была на периферии жанроведения.

Связывая с этапами реализации коммуникативного замысла основы типологии РЖ, мы развиваем идею порождения речевого жанра М.М. Бахтина (см. [Дементьев 1997: 111]): (1) общая установка на коммуникацию; (2) установка на фатическую или информативную коммуникацию; (3) установка на кооперативное или конфликтное общение (это особенно актуально в случае фатической коммуникации, но часто небезразлично и в случае информативной). Все же прежде всего в фатической коммуникации шкала межличностных отношений является типологическим жанрообразующим признаком – вместе с (4) выбором формы коммуникативных средств, а именно: выбор информативных средств для реализации информативного замысла и фатических средств – для фатического (прямая коммуникация) либо выбор информативных средств для реализации фатического замысла и фатических – для информативного (косвенная коммуникация). Последний, четвертый этап – это этап конкретных речевых жанров: прямых и косвенных, информативных и фатических, кооперативных и конфликтных и т.д.

На уровне жанров два полярных замысла соприкасаются друг с другом через ряд переходных форм.

*

Итак, общая для фатической коммуникации коммуникативная цель варьирует пять типических интенционалов, лежащих в основе пяти разновидностей ФРЖ. Это позволяет говорить о существовании единого **словаря** фатики. Например, можно выделить группу регуляторов коммуникативных отношений, выражающихся устойчивыми речевыми формулами. Связь языковых единиц в данных формулах основана на одной из пяти возможных фатических модальностей, при этом регуляторы очень разнородны, структурно, территориально и социально изменчивы. Одни из них имеют более отчетливый фразеологический характер и фиксируются словарями как фразеологизмы (*Держи карман шире! Знай свое место!*), другие не фиксируются (*Я тебе это запомню! Иди гуляй! / Иди в баню*), одни отмечены в словарях как стилистически маркированные (н и з к. *Какого черта? Пропади ты пропадом!*, в ы с о к. *Честь имею, С позволения сказать, т е р р и т . - д и а л. Не балуй! Брось заливать!*), другие – не отмечены. Регулятивы "отрицательного", инвективного характера – как бы обратная сторона речевого этикета, так как положительные регулятивы, как правило, и есть этикетные формулы. Нам думается, что интересно было бы составить единый словарь, в котором данные регулятивы рассматривались вместе с формулами речевого этикета, сигналами речевого контакта и обращениями-регулятивами в составе общего поля фатики.

Вторым не менее важным выводом из сказанного нам представляется тот факт, что косвенность коммуникативных средств как знак принадлежности к фатическим речевым жанрам объединяет поле флирта, поле иронии, поле small talk и т.д. Этот факт делает возможным систематизировать существующие объяснения данного явления (от фрейдовской концепции сублимации и общей антисексуальности европейской культуры, чем обычно объясняется косвенность во флирте, до представления ФРЖ в категориях "игр", где косвенность понимается как следствие нацеленности на выигрыш у партнера и потому скрытого характера трансакций). Определение косвенности, данное Дж. Серлем, на которое мы пытались опираться, трудно назвать оптимальным. Так, ФРЖ ОА и ОВ, наименее косвенные по определению, при ближайшем рассмотрении оказываются не вполне фатическими, а значит н а и б о л е е косвенными по отношению к своей коммуникативной цели. При определении косвенности для фатической речи, возможно, следует исходить из того факта, что ФРЖ small talk являются в каком-то смысле единственной константой во всем поле фатики, будучи

с в о б о д н ы м и от наличия или отсутствия прямых речевых актов. В структуре ФРЖ ОА и ОВ обязательно должны быть прямые РА, в ФРЖ ОС и ОД прямые РА невозможны и, следовательно, эти жанры тоже некоторым образом зависят от них. Дело в том, что семантику флирта, розыгрыша и т.д. все же можно выразить прямыми РА, даже если это "иллокутивное самоубийство". И только в случае *small talk* в принципе не может быть речи о какой-либо эквивалентности.

С другой стороны, заманчивая идея построить общую типологию фатических и информативных речевых жанров с помощью простого зеркального копирования "андереевского флага" симметрично относительно оси А.Р. Балаяна оказывается заведомо невыполнимой – уже потому, что шкала А.Р. Балаяна релевантна далеко не для всех информативных речевых жанров. Модель также не вполне объясняет те жанры, в природе которых совмещаются фатическое и информативное начала – *упрек, сплетни, иронию*. Семантика данных существительных характеризуется внутренней глубокой неоднородностью, охватывая сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем. В современной теории также не решены вопросы 1) о статусе базовой единицы категории иронии: уровня лексемы (метафоры), высказывания (речевой акт), текста (речевой жанр)? 2) должна ли это быть единица по преимуществу коммуникативная или когнитивная (номинативная)?

Наконец, выделив трансформации ОА → ОС и ОС → ОА, мы не нашли ни одного убедительного примера трансформаций ОВ → ОД и ОД → ОВ.

Тем не менее мы полагаем, что наиболее существенные качества системы фатических речевых жанров получают адекватное представление в категориях предлагаемой модели. Как известно, современная научная парадигма в языкознании имеет в целом функциональный характер. Рассматривается функционирование языка в коллективе говорящих. Это делает особенно актуальным изучение системы средств общения ради самого общения, то есть фатического общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н. 1902 – Дар слова. СПб., 1902.
- Арутюнова Н.Д. 1992 – Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модельность, дейксис. М., 1992.
- Балаян А.Р. 1971 – Основные коммуникативные характеристики диалога. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Баранов А.Г. 1997 – Когнотиичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Бахтин М.М. 1996 – Проблемы речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
- Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. М., 1974.
- Вирзонин Ю.Н. 1994 – Коммуникативные акты с установкой на иронию. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- Вешбицка А. 1997 – Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Винокур Т.Г. 1993а – Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Винокур Т.Г. 1993б – Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Гавранек Б. 1967 – О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гольдин В.Е. 1997 – Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Гуц Е.Н. 1997 – К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Дементьев В.В. 1995 – Косвенная ссора в русской и польской речевых культурах // Язык и общество. Саратов, 1995. Вып. 10.
- Дементьев В.В. 1997 – Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // ВЯ. 1997. № 1.

- Докторович Д.Л. 1979 – К понятию фатической функции языка (о двух видах фатической речи) // Синтаксическая структура простого предложения. Смоленск, 1979.
- Драздаускене М.-Л.А. 1970 – Контактуюстанавливающая функция речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Жельвис В.И. 1997 – Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- ЖР – Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
- Зверева Е.В. 1995 – Коммуникативно-речевая ситуация "Комплимент". Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Карасик В.И. 1992 – Язык социального статуса. М., 1992.
- Карасик В.И. 1997 – Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1995 – Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Лихачев Д.С. 1979 – Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Макаров М.Л. 1992 – Выбор шага в диалоге: опыт эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.
- Матвеева Т.В. 1996 – Тональность разговорного текста: три способа представления // *Stylistyka*. V. Opole, 1996.
- Орлова Н.В. 1997 – Жанры разговорной речи и их "стилистическая обработка". К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Почепцов Г.Г. 1981 – Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- Рытникова Я.Т. 1997 – Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Седов К.Ф. 1998 – Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27.
- Сепир Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серль Дж.Р. 1986 – Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII.
- Сиротинина О.Б. 1995 – Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // *Stylistyka*. IV. Opole. 1995.
- Федосюк М.Ю. 1997а – Нерешенные вопросы теории речевых жанров // ВЯ. 1997. № 5.
- Федосюк М.Ю. 1997б – Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Шмелева Т.В. 1997 – Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Шурина Ю.В. 1997 – Шутка как речевой жанр. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997.
- Якобсон Р. 1975 – Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
- Ballmer T., Brennenstuhl W. 1981 – Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. Berlin etc., 1981.
- Dijk T.A. van. 1972 – Some aspects of text grammar: A study in theoretical linguistics and poetics. The Hague, 1972.
- Gajda St. 1991 – Gatunki wypowiedzi potocznych // Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych. Opole, 1991.
- Hymes D. 1977 – Foundations in sociolinguistics. An ethnographic approach. London, 1977.
- Malinowski B. 1972 – Phatic communion // Communication in face-to-face interaction. Harmondsworth, 1972.
- Pisarkowa K. 1975 – Składnia rozmowy telefonicznej. Wrocław itd., 1975.